

Н. Д. Черноскутова
Уральский федеральный университет,
г. Екатеринбург

ПРИЕМЫ СОЗДАНИЯ ОБРАЗА Л. Н. ТОЛСТОГО В КНИГЕ И. А. БУНИНА «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТОЛСТОГО»¹

***Аннотация:** В статье предлагается исследование книги И. А. Бунина «Освобождение Толстого» и тех приемов, с помощью которых автор моделирует образ Л. Н. Толстого. Через особый диалог двух творцов выстраивается уникальная ситуация, в которой обе личности общаются на равных.*

***Ключевые слова:** И. А. Бунин, Л. Н. Толстой, диалог, мемуарная проза, портрет.*

С самых ранних лет и на протяжении всей жизни И. А. Бунин считал Льва Толстого своим главным духовным и творческим наставником. В юности Бунин некоторое время примыкал к движению толстовцев, пытался «опроститься» и жить трудовой жизнью. Однако это увлечение было недолгим, спустя некоторое время он разочаровался в толстовцах. Как признается он сам в «Освобождении Толстого», он вошел в их круг только для того, чтобы приблизиться к самому Толстому, иметь «тайную надежду когда-нибудь увидеть его» [Бунин 2014, с. 72]. И впоследствии эта надежда оправдалась.

Описывая их первую встречу в «Освобождении Толстого», Бунин создает особенную, почти сказочную атмосферу: «какой особый сад, какой необыкновенный дом, как таинственны и полны значения эти освещенные окна: ведь за ними – Он» [Там же, с. 73]. В описании подчеркивается то благоговение, которое Бунин испытывал перед Толстым. Личное знакомство с Л. Толстым и последующие редкие встречи были для него знаковыми, во многом определившими его дальнейшие художественные и философские ориентиры.

¹ Работа выполнена под руководством доктора филологических наук, профессора кафедры русской и зарубежной литературы Уральского федерального университета Натальи Викторовны Пращерук.

Очень тяжело И. А. Бунин переживал смерть Л. Толстого. О. Н. Михайлов отмечает, что Бунин воспринял кончину Толстого «и как величайшее личное несчастье, и как утрату, последствия которой скажутся на всей общественной жизни страны» [Бунин 1967, с. 555].

После смерти Л. Н. Толстого он особенно остро ощутил значение его колоссального художественного и духовного наследия. Он чувствовал своим долгом создать глубокую и правдивую книгу о Льве Николаевиче. Книгу, которая бы стала ключом к пониманию произведений Толстого, его философских и жизненных установок, его предсмертного поступка. А. Бабореко приводит следующую цитату Николая Гусева об «Освобождении Толстого»: «Книга Бунина представляет совершенно исключительное явление во всей колоссальной литературе о Толстом. Ее основная идея – глубоко справедлива, и Бунину делает честь, что он первый так осветил сокровенную внутреннюю жизнь Льва Толстого» [Бабореко, с. 287].

Книга «Освобождение Толстого» уникальна во многих отношениях. Она синтезирует в себе художественные, философские, документальные, публицистические и мемуарные элементы. Автор органично вводит в свой текст выдержки из произведений Толстого, цитаты библейских и буддистских источников, личные письма, высказывания приближенных и членов семьи Толстого. Композиция произведения развивается по ассоциативному принципу, таким образом, логика повествования всецело подчиняется авторскому замыслу, при этом автор непосредственно включен в повествование и как мыслящий субъект, и как реальная личность.

В силу существенной философской составляющей книги и обилия отсылок к религиозным текстам, литературоведы, как правило, изучают «Освобождение Толстого» с точки зрения религиозно-философской проблематики. В своем исследовании мы рассматриваем «Освобождение Толстого» в парадигме литературных портретов современников, написанных Буниным («Освобождение Толстого», «Воспоминания», «О Чехове»). Проанализировав способы создания образов во всех вышеперечисленных произведениях, мы пришли к выводу, что можно выделить ряд повторяющихся приемов.

Говоря о писателях-современниках, Бунин почти всегда дает развернутую портретную характеристику. Часто во внешности портретируемых, он выделяет звериные черты. Например, в очерке из книги «Воспоминания» Бунин

уподобляет Шалапина медведю. Толстого Бунин несколько раз сравнивает с гориллой. Причем, как его внешние черты: бровные дуги, походку, так и его жизненный путь: «гориллы в молодости, в зрелости страшны своей телесной силой, безмерно чувственны в своем мироощущении, беспощадны во всяческом насыщении своей похоти, отличаются крайней непосредственностью, к старости же становятся нерешительны, задумчивы, скорбны, жалостливы» – отмечает автор [Бунин 2014, с. 105]. В подтверждение сказанного он приводит описание поздних портретов Толстого, где «стали появляться кротость, покорность, благоволение, порой даже улыбка, ласковое веселье» [Там же].

Описывая внешность, Бунин всегда отмечает изменения облика во времени. В книге «Освобождение Толстого» он приводит несколько портретов Л. Н. Толстого в разные периоды его жизни. В контраст данному выше позднему портрету он описывает более ранние изображения Толстого следующим образом: «Все прочие портреты, чуть не с отрочества до старости, поражают смелой серьезностью, строгостью, недоверчивостью... сумрачные, пристально-пытливые глаза, твердо сжатые зубы» [Там же, с. 106]. Кроме того, Бунин делает акцент на том, что внешность Толстого менялась не только со временем, но и в зависимости от его настроения, от той или иной душевной полосы, в которой он находился в данный момент, а также в зависимости от среды, в которой он был в данную минуту.

Особенности речи также являются для Бунина важной составляющей образа. Например, в «Воспоминаниях» Бунин пишет о Куприне, что он «запальчиво бормотал своей обычной армейской скороговоркой, ударяя на последний слог» [Там же, с. 520]. Бунин заостряет внимание и на качествах речи Толстого, цитируя записки музыканта Гольденвейзера, который на протяжении 15 лет посещал дом Толстого. Гольденвейзер отмечает, что Толстой произносил «г» с придыханием, престоноародно, а также использовал слова на старинный лад, например, Штокгольм, и не пренебрегал диалектными выражениями. Но так, по мнению Бунина, говорили все, кто принадлежал к деревенско-помещичьему быту в той местности. Кроме того, Бунин оспаривает слова Гольденвейзера о том, что Толстой не использовал «грубых», «народных» слов. «Употреблял, и довольно свободно – так же, как все его сыновья и даже дочери» [Там же, с. 111] – пишет Бунин. Но при этом далее он акцентирует внимание на том, что самым близким кругом для Толстого

оставался тот, к которому он принадлежал по рождению. Цитируя секретаря Толстого Булгакова, Бунин отмечает, что «Лев Николаевич был доступен сословным предрассудкам» [Там же, с. 101] и очень боялся мезальянса для своих дочерей. Те, кто видели его в высшем обществе, вспоминали: «несмотря на свои причуды, он, прежде всего, светский человек и джентльмен с головы до ног и в обществе очарователен» [Там же, с. 102]. Такие контрасты находит Бунин в личности Толстого.

В мемуарной прозе о современниках Бунин нередко обращается к противоречивым чертам в образах своих героев, однако в образе Толстого эта черта проявляется наиболее ярко. Толстовская «непоследовательность» – непостижимая грань его личности для многих близких, учеников, людей, знавших его и пытавшихся осмыслить его биографию. Большинство принимало только одну какую-либо сторону его личности, жертвуя остальными ради схематического представления о Толстом – человеке, мыслителе и художнике. В подтверждение этому Бунин приводит цитату брата Толстого Сергея Николаевича «Ведь как хорошо писал когда-то! Думаю, лучше всех писал. А потом свихнулся. Недаром с самого детства помню его каким-то странным...» [Там же, с. 103]. Внутренняя противоречивость, постоянное движение мысли, переосмысление и переоценка прежнего – одни из ключевых черт Толстого, которые Бунин отмечает почти во всем: от мировоззренческих до бытовых аспектов.

Но, несмотря на ряд сходств, книга «Освобождение Толстого» выделяется в ряду бунинской мемуарной прозы о современниках. В очерках книги «Воспоминания» и в книге «О Чехове» индивидуально-личностное начало автора выходит на первый план, подчиняя себе биографического «другого».

А в книге «Освобождение Толстого» автор и герой находятся в равных отношениях – Толстой в книге явлен как соавтор, как собеседник Бунина. Бунин сознательно нарушает «традиционную схему субъектно-объектных отношений автора и героя, наделяя Толстого правом “прямого присутствия” в тексте» [Пращерук, с. 170]. Включая в текст произведения большое количество цитат из дневников, писем и произведений Толстого, Бунин дает ему право говорить самому за себя. Таким образом, у автора и его героя выстраивается диалогическое общение. В некоторых главах диалогическая основа произведения легко вычленяется: после приведенной цитаты Толстого,

Бунин дает свою рефлексию по поводу сказанного Толстым. Или наоборот сначала он ставит вопросы, а затем приводит цитату, которая может служить ответом на них.

Такой уникальный способ раскрытия личности говорит об особом отношении Бунина к Толстому. Для Бунина личность Толстого исключительна, ее невозможно постигать традиционным способом – рассматривать как объект исследования, и пытаться дать собственную оценку личности. Именно это Бунин не принимал в работах предшественников, пытавшихся осмыслить биографию Толстого.

Книга «Освобождение Толстого» является одним из итоговых произведений И. А. Бунина, в котором через диалог с Львом Толстым он попытался изложить и свои собственные философские и художественно-эстетические установки. Выполняя поставленную сверхзадачу – постичь личность Толстого, попытаться приблизиться к нему, Бунин написал очень глубокую и многогранную книгу, которая дает безграничное поле для исследований.

Список литературы

Бабореко А. К. Бунин. Жизнеописание. – Москва: Молодая гвардия, 2004. – 458 с.

Бунин И. А. Гегель, фрак, метель / предисл. О. Клинга; коммент. А. Бабореко, О. Михайлова. – М.: ПРОЗАиК, 2014 – 671 с.

Бунин И. А. Собр. соч. в 9 т. – М.: Худож. лит., 1967. – Т. 9. – 622 с.

Пращерук Н. В. Проза И. А. Бунина в диалогах с русской классикой: монография / Н. В. Пращерук. – 2-е изд., доп. – Екатеринбург: Изд-во Урал. федерал. ун-та, 2016. – 206 с.